

АВТОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ ПУШКИНА

В начале 1962 года Пушкинский дом приобрел у наследников московского собирателя рукописей Всеволода Григорьевича Данилевского, скончавшегося в октябре 1961 года, цензурные рукописи трех книжек «Московского телеграфа» 1827 года (ч. XIV, №№ 7 и 8, ч. XV, № 9).

Приобретение цензурной рукописи журнала представляет большой интерес для истории русской журналистики, тем больший, что архивы журналов пушкинской поры, за редкими исключениями, до нас не дошли и сведений об архиве «Московского телеграфа», так же как и об архиве самого Н. А. Полевого, мы не имеем. К сожалению, остается пока неизвестным, когда и от кого приобрел эти ценные рукописи сам В. Г. Данилевский, а тем самым неизвестна и вся их история за 130 лет, раскрытие которой имело бы существенное значение и, может быть, привело бы к обнаружению других документов из архива «Московского телеграфа».

Цензурная рукопись представляет собой три тетради, сшитые из листов писчего формата, с несколькими меньшими листами, вшитыми и вклеенными; каждая тетрадь имеет двойную пагинацию: в № 7 — 45 + 25 листов, в № 8 — 30 + 28 листов, в № 9 — 40 + 25 листов. Через все листы каждой тетради проходит цензурная скрепа: «раз-сма-три-вал-про-фессор-цензор-и-ка-валер-Иван-Сне-гирев».

Все статьи, за редкими исключениями, написаны четким писарским почерком, на некоторые листы наклеены вырезки из предыдущих номеров журнала, например шапка к оглавлению (чтобы сохранить однотипность расположения строк и шрифтов) или объявление о подписке на «Московский телеграф», которое перепечатывалось из номера в номер. В конце каждого номера на листы наклеены вырезки из французских журналов — модные картинки и пояснения к ним, с русскими переводами.

Значение цензурных экземпляров журнала¹ состоит в том, что они позволяют установить или наметить авторов некоторых анонимных статей. Кроме того, в тексте и на полях рукописи, почти на каждой странице, находятся примечания (от редакции), поправки и пометы, сделанные рукой издателя журнала Н. А. Полевого; встречается и много поправок, внесенных рукой П. А. Вяземского. Это позволяет судить о том, как работал редактор-издатель и насколько значительным было участие Вяземского в его работе.

Особый интерес представляет рукопись девятого номера журнала. В ней на листе 49 находится неизвестный до последнего времени автограф Пушкина: записанная его рукой (с поправками рукой Е. А. Баратынского и со специальной пометой о разрешении цензора И. М. Снегирева) эпиграмма на Булгарина «Он точно, он бесспорно...». Текст рукописи опубликован Т. Г. Цявловской.²

Эпиграмма «Он точно, он бесспорно...», напечатанная по этой же рукописи в «Московском телеграфе» (ч. XV, № 9, отд. 2, стр. 5) без подписи под заглавием «Журналист Фиглярин и истина», считалась принадлежащей Е. А. Баратынскому и впервые с его именем была помещена к десятилетию смерти поэта в «Современнике» (1854, т. 47, № 10, стр. 159 первой пагинации) по копии рукой А. Л. Баратынской в редакции, имеющей отличия от текста «Московского телеграфа». С тех пор она входит в собрания сочинений Баратынского. Находка записи эпиграммы рукой Пушкина в составе цензурной рукописи журнала позволяет поставить вопрос о возможности участия Пушкина в ее создании. Этот вопрос тщательно исследовала Т. Г. Цявловская в своей публикации. Вывод ее, полученный в результате исследования, таков: «Рассмотрение документальных источников, как и анализ эпиграммы „Он точно, он бесспорно“, разночтений текстов, языка, стиха и стиля в соотношении с эпиграммами Пушкина и Баратынского приводят нас к наиболее правдоподобному выводу, что эпиграмма на Булгарина, автограф которой здесь публикуется, сочинена Баратынским при участии Пушкина».³ С этим выводом необходимо согласиться: перед нами — плод коллективного творчества Баратынского и Пушкина, но степень участия последнего не поддается определению и едва ли была значительной.

¹ Полное описание и исследование их будет помещено в одном из томов сборника «Пушкин. Исследования и материалы».

² «Русская литература», 1961, № 1, стр. 120—133.

³ Там же, стр. 133.